

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ И ПОНЯТИЙ

К. И. ШНЕЙДЕР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РАННИХ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ

В статье исследуются исторические взгляды ранних русских либералов середины XIX в. при помощи методологических установок социологии знания. Автор интерпретирует очевидное своеобразие концептуальных подходов либералов к изучению национального прошлого и специфику их восприятия достижений европейской цивилизации. Кроме того, в работе обосновывается релевантность рассмотрения раннего русского либерализма в качестве самостоятельного интеллектуального феномена в истории отечественной общественной мысли.

Ключевые слова: история России, ранний русский либерализм, европеизация, западничество, «охранительный либерализм».

У начальной истории русского либерализма, безусловно, незавидная историографическая судьба. После длительного периода забвения и критики, казалась бы, появилась возможность свободно обсудить все перипетии ее сложного пути. И надо сказать, что в середине 1990-х гг. это почти удалось сделать. Однако полемика осталась незавершенной, а интерес к отечественной либеральной традиции сегодня катастрофически снизился как в академической среде, так и в обществе в целом. В настоящее время российское либераловедение сродни работе этнографов, занятых «насыщенным описанием» архаичных феноменов. Излишне напоминать, что рано или поздно эта ситуация должна измениться к лучшему, хотя бы в силу потребности в оглашении конвенциональных подходов к рассмотрению ранней истории российского либерализма в экспертном сообществе.

И тогда специалисты неизбежно вновь обратятся к историческим представлениям тех, кого можно считать основателями либеральной традиции в России. Для автора ими остаются К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, наследники интеллектуальной традиции одного из столпов западничества 1840-х гг. Т. Н. Грановского. Этот круг существенно расширили известные мыслители середины XIX столетия — П. В. Анненков, И. К. Бабст, В. П. Боткин, А. В. Дружинин, Е. Ф.

Корш, оставившие заметный след в истории эстетики, литературоведения и эссеистики.

Феномен раннего русского либерализма может быть описан в терминах социологии знания, в соответствии с которой любая реальность, в том числе и ее теоретическая область, социально конструируется¹. Знания об обществе, с одной стороны, объективируются в продуктах человеческой деятельности, а с другой, подвержены процессу непрерывного обновления. Таким образом, наши представления о социуме, одновременно, институционально объективированы и субъективно формируемы. В случае с ранним русским либерализмом это означало знакомство отечественных мыслителей середины XIX в. с историей европейской либеральной традиции и моделирование национального варианта, отличного от «канонического».

В этой связи очень важно осмыслить механизм поддержания субъективной реальности, так как именно он обеспечивает устойчивый характер идентификации индивида. Среди главных условий его функционирования следует назвать существование феномена «значимых других», позволяющего перевести статичное состояние действительности «лицом к лицу» в динамичное положение ее социального переопределения, а также среду и язык, то есть возможность проговаривать результаты своего опыта. Для основателей русского либерализма в роли «значимых других» выступали представители западной интеллектуальной элиты и собственное немногочисленное окружение, подтверждавшие их идентичность в периоды тесного общения и полемики друг с другом.

Историософские представления ранних русских либералов базировались на идее прогресса и линейности общественного развития. В их основе — взгляд на всемирную историю как на «постепенное восхождение человека от грубых и односторонних потребностей к другим, более и более утонченным и многосторонним»². Кроме того, в многочисленных работах отечественных либеральных мыслителей середины XIX в. постоянно присутствовала мысль о существовании коренных исторических законов, нарушать которые никому не под силу. По этому поводу достаточно ясно высказался еще Грановский, отождествивший закон с целью, к которой неудержимо идет все человечество. Именно он привнес в раннелиберальный дискурс не только

¹ См.: Бергер, Лукман. 1995.

² ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 13об.

образ раз и навсегда детерминированного прошлого, настоящего и будущего, но и идею высшего нравственного начала. По его мнению «над всеми открытыми наукой законами исторического развития царит один верховный, то есть нравственный закон, в осуществлении которого состоит конечная цель человечества на земле». «Высшая польза истории заключается, следовательно, в том, что она сообщает нам разумное убеждение в неминуемом торжестве добра над злом»³.

В самом общем виде прогрессистский взгляд на исторический процесс разделяли все ранние русские либералы. Вместе с тем, в либеральной среде возникали разные коннотации при его преломлении к действительности. Если Кавелин, вслед за Грановским, пел гимн личности, которая, несмотря на predeterminedность истории, всегда являлась главной креативной силой в построении моделей социального продвижения к цели, то Чичерин, отдавая должное человеку и его творческой энергии, чаще артикулировал идею подчинения частной воли законам, независимым от нее и направляющим ее. Он предпочитал рациональный, «правильный», близкий к идеальному исторический маршрут неизбежной, постоянной, но, в конечном итоге, «вредной» стихии человеческих страстей. Скорее всего, эти не слишком очевидные противоречия нюансировали различия в подходах к обсуждению метафизической роли общего и индивидуального в истории.

Личность в историософских размышлениях отечественных либералов занимала традиционно заметное место. Все были согласны с тем, что «отрицать влияние личности на историю невозможно: человек, стоящий на вершине общества, может иногда ускорить или замедлить движение, дать развитию мирный или насильственный ход, действовать средствами нравственными или безнравственными»⁴. Либералы искренне верили в нравственную составляющую истории, как в доминирующий фактор и глубинный смысл развития в целом. Следовательно, именно личность детерминировала, пусть даже ценной многочисленных ошибок, аксиологически выверенный вектор человеческого прогресса. Наконец, сама история представлялась либералам как нечто созданное и творимое личностью, которой давался увлекательный, но, вместе с тем, ответственный шанс на преобразование самой себя в будущем.

³ Грановский. 1900. С. 605.

⁴ Чичерин. 1857. Т. 10. Кн. первая. С. 748.

Даже на фоне приверженности идее господства в социальном мире неизменных законов ранние русские либералы не уставали артикулировать мысль о рукотворном характере исторической судьбы того или иного народа. «Люди или предугадывают общественные потребности и мудро направляют в этом смысле свои действия; или они отступают перед задачей, и, увлекаясь разными побуждениями, отклоняются от предстоящего, ближайшего дела»⁵, — утверждал Кавелин. А в качестве наглядного примера приводили революционные потрясения, считая их разрушительными и налагая на них профессиональное проклятие. Пожалуй, единственную пользу радикальных теорий русские либералы видели в диагностировании болевых точек общественного организма, прописывая ему, однако, принципиально иные способы их лечения.

Не менее настойчиво они высказывались по поводу экспертных возможностей академического сообщества, призванного исследовать и объяснять разнообразные артефакты прошлого. И здесь основополагающие подходы к их изучению были высказаны еще Грановским в его знаменитых лекциях по истории средневековья. Среди них — требование беспристрастности, то есть отсутствия заранее подготовленной интерпретационной схемы уже на начальном этапе работы. Либералы последовательно осуждали любое проявление догматизма и субъективизма в историческом ремесле, призывали к предельной объективности и отстраненности от объекта своего научного интереса. Для многих современных историков до сих пор актуально звучат слова Чичерина: «когда мы изучаем историю какого бы то ни было учреждения, мы должны, прежде всего, отделиться от настоящего и рассмотреть, при каких оно возникло условиях, какая была причина существования такого порядка вещей?»⁶.

С другой стороны, ранние русские либералы не лишали профессионалов права высказывать собственную точку зрения. Более того, иногда в либеральной среде середины XIX в. звучали экзотические призывы обратиться к «подлинным» источникам знаний человека о своем прошлом, благодаря которым только и возможно познать реальную повседневную жизнь общества. К ним Боткин, например, относил искусство в целом и поэзию в частности, способные, в отличие

⁵ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 1182.

⁶ Чичерин. 1858. С. 143.

от истории, передать внутреннюю жизненную силу фактов⁷. При этом сам он неоднократно подчеркивал доминирующую роль неизменных социальных законов, неподвластных человеческому разуму.

В целом историческая герменевтика раннего русского либерализма опиралась на идеальную модель телеологически выстроенного развития нравственного и личностного начал в обществе. Все это как раз и являлось сущностью «коренных» законов истории, по мнению отечественных либералов, нередко пессимистично настроенных по поводу способности индивида познать их. Вместе с тем, они не отрицали принципиальную возможность исследования всего социокультурного разнообразия жизни и даже попыток проникновения в его метафизический мир. Подобные размышления, скорее всего, соответствовали широко распространенным в XIX столетии представлениям об истории как о «главной науке». Еще Грановский утверждал, что «она наука сложная и вместе простая: сложная потому, что в состав свой принимает все другие науки, ибо она требует многостороннего обозрения, и простая потому, что требует простого взгляда, отсутствия всех предрассудков, предубеждений, ложных толкований, парадоксов и всяких чисто самолюбивых толков»⁸.

Наконец, либералы верили в существование «большого нарратива», то есть единой истории человечества и в способность профессиональных экспертов рационально объяснить почти все сложности ее длительного развития. Признаки этой «универсальной истории» легко заметить, например, в рассуждениях Бабста: «История идет не прямым путем, но делает большие обходы. То быстро шагнет она вперед, то вдруг надолго остановится, и бросится, по-видимому, назад. На первый взгляд покажется, что это от недостатка силы, от утраты веры в будущее. Нимало. В истории, точно также как и в природе, есть своя экономия. Она часто должна оглядываться назад, поджидать своих отсталых и терпеливо пытаться вопросы, забытые ею. Скачков в истории нет, а ежели они и бывают, то не долговечны»⁹. Кроме того, можно вспомнить знаменитую «государственную школу» в отечественной историографии, прославившую имена Чичерина и Кавелина и ориентированную на метаэстетическое восприятие общественных процессов.

⁷ Боткин. 1984. С. 196.

⁸ Грановский. 1986. С. 239.

⁹ Бабст. 1856. С. 7.

Удачным и естественным полигоном для реализации методологических установок раннего русского либерализма стала отечественная история с ее зачастую неочевидной каузальностью событийной хроники. Нередко это обстоятельство служило одним из серьезных аргументов в пользу вывода о национальной исключительности России, о чем предупреждали и чего опасались либералы середины XIX в., которые стремились изучать свое прошлое непременно как часть всемирного наследия. С другой стороны, их европоцентризм не заслонял им противоречивую картину и несхожесть «лицом к лицу» исторических судеб Запада и России. По мнению Кавелина, «наше движение историческое — совершенно обратное с европейским», и если последнее началось с «блистательного развития индивидуально-начала, которое более и более вставлялось, вдвигалось в условия государственного быта», то у нас «история началась с совершенного отсутствия личного начала, которое мало по малу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться»¹⁰.

Среди причин такого несовпадения либералы чаще всего называли обширную и малонаселенную древнерусскую территорию, ее периферийное по отношению к Европе географическое положение, доступность вторжению кочевых племен с Востока. Наряду с этим практически не существовало близких контактов с более просвещенными народами, способными даже насильно познакомить наших предков с результатами своего развития. В итоге, по логике ранних русских либералов, «на своей почве мы не имели предшественников, а если и имели, то таких, от которых нам нечего было заимствовать»¹¹. Вообще, в раннелиберальном дискурсе символическое «проклятие» расселения и местоположения соотечественников в древнюю эпоху напрямую связывалось с их исторической неукорененностью, то есть, в отличие от Европы, отсутствием какой-либо базовой, локально опознаваемой протокультурной традиции.

Собственный взгляд на историю либеральные мыслители облекли в постулаты «государственной школы». Начальные страницы прошлого своих предков они связывали с родовым периодом и господством кровных отношений, главной особенностью которого было полное отсутствие каких-либо признаков пробуждения личности в дохристианское время. На смену монополии рода пришел «семейный

¹⁰ Кавелин. 1897. Т. 1. С. 581.

¹¹ Там же. С. 13-14.

мир» и гражданское общество, наполненное, как считали либералы, бесконечными примерами «семейно-родственного» удельного эгоизма. Однако личность, все еще не осознавшая на данном этапе свою самостоятельную «особость», оказалась не в состоянии создать прочную и стабильную систему договорных отношений, в чем либеральные мыслители видели одно из основных отличий отечественной истории. «Дружина... была кочевая; бояре и слуги переезжали с места на место. То же самое делали и крестьяне; это было всеобщее брожение по всей Русской земле. Князья первыми сделались оседлыми, и они-то стали собирателями земли, и впоследствии созидателями государства»¹², — утверждал Чичерин. Таким образом, удельный период с его правом свободного отъезда и запутанными межкняжескими соглашениями, не мог создать, не в пример Европе, юридически закрепленный порядок в поземельных отношениях и повседневном быту, сохраняя, согласно русским либералам, архаичную преемственность с прошлым. В частности, Кавелин не считал возможным сравнивать русское и европейское средневековье, потому что мы «так мало еще выработались в то время из кровного, родственного элемента, что князья в спорах между собою ссылались на степени родства, как на кодекс своих взаимных отношений; о твердом гражданском уставе еще не было и речи...»¹³. Он видел в этой рыхлой, неструктурированной исторической почве одну из главных причин беспрепятственного поглощения личностного начала территориальным во время становления Московской государственности.

Кроме того, либералы неоднократно указывали на особенности повседневного восприятия верховной власти уже на ранних этапах формирования нового государства. Например, традиционная архаика и отсутствие устоявшихся юридических норм и правил привели к перенесению «домашней дисциплины» прежней эпохи на институциональный образ царского престола. Монарх, по мнению либералов, скорее ассоциировался с «домовладыкой», общественно признанным и знакомым в народной культуре типом господства и управления, став впоследствии олицетворением и воплощением государства в целом. В итоге, как считали либеральные мыслители, своеобразная внутренняя природа вотчинной Руси породила юную

¹² Чичерин. 1856. Т. 3. Кн. вторая. С. 212.

¹³ Кавелин. 1897. Т. 1. С. 567.

Московскую державу, во многом сохранившую генетическую связь со своей прежней исторической матрицей.

Вместе с тем, они высоко оценивали сам факт создания государства как высшей формы социальной жизни и «поворотной точки» развития русской истории. «Появление государства было вместе и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия личности, следовательно началом гражданского, юридического, на мысли и нравственных интересах, а не на одном родстве основанного, общественного быта»¹⁴, — убеждал Кавелин. При этом либералы обращали внимание на принципиально невысокий уровень конфликтности при проведении объединительной политики московскими властителями, объясняя это, с одной стороны, стремлением последних не разрушать основ средневекового уклада жизни, а, с другой — предельной аморфностью корпоративных интересов и политической разрозненностью ее противников.

Релевантность этих выводов подтверждал Чичерин, заявляя, что «без переворота, даже без указа, бояре и служилые люди из вольных слуг сделались крепостными и стали писаться холопами. Дело в том, что требованиям государства ни бояре, ни крестьяне не могли противопоставить такого деятельного сопротивления, как например феодальные владельцы на Западе»¹⁵. Идея тотального закрепощения верховной властью сословий и их последующего раскрепощения приобрела в его рассуждениях об отечественной истории концептуальный характер. Таким образом, одной из ярких особенностей происхождения русской государственности, по мнению Чичерина, являлось монопольное право центра на ее конструирование сверху в ущерб какой-либо народной самодеятельности снизу, закономерно не получившей должного развития в удельный период.

И все же, несмотря на очевидное своеобразие, появление государства большинство ранних русских либералов считало выдающимся итогом сложного пути национальной истории, после чего она «неудержимым потоком, в стройном развитии, движется до нашего времени. Направления более или менее изменяются, встречаются и отклонения в сторону, но общий характер движения один. Каждая позднейшая эпоха является последовательным развитием предыду-

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Чичерин. 1856. Т. 3. Кн. вторая. С. 256.

щей, представляет ответ на сделанный ею вопрос. Все они имеют одну цель, одну задачу — устройство государства»¹⁶. В целом, для России, с точки зрения либералов, это событие означало не только билет в далекое будущее, но и вступление в число действительно исторических народов, обретших свое истинное предназначение.

В славянском мире успешный державный опыт был довольно редким явлением, о чем ранние русские либералы писали, обсуждая место и роль России среди единоплеменных народов. Многие из них в водовороте трагических событий не смогли защитить и сохранить собственную государственную судьбу, потеряв уникальный шанс на самостоятельное историческое развитие. Кавелин даже рассматривал Россию как уникальный феномен «славянского государства», пережившего в отличие от других соплеменников многочисленные внешние и внутренние угрозы. И если рассуждения Кавелина имплицитно связаны с его известными в разные годы жизни симпатиями к славянофильской риторике, то Чичерин всегда оставался последовательным оппонентом отечественных любителей старины. Однако и он достаточно ясно утверждал: «Государственные народы одни имеют высшее сознание и силу, одни призваны играть роль в истории. Государственные народы — венец человечества. Оттого... мы, Русские, не остались на степени Болгар, или Хорват. Государственный смысл русского народа раскинул Россию на то необъятное пространство, которое составляет для нас отечество и дал ему возможность играть историческую роль, которой может гордиться русский человек»¹⁷.

С другой стороны, либералы никогда не отказывали себе в желании актуализировать тему несхожести русской и европейской истории, многочисленных особенностей отечественного пути развития не только в период образования Московского государства, но и позже вплоть до петровского времени. Практически все их размышления по этим проблемам отталкивались от идеи тотального доминирования верховной власти. Тогда как на Западе отношения подданства формировались на основе традиции, идущей со времен Римской империи, в России, на взгляд либералов, единственным образцом была восточная деспотия, в которой элементы права неизбежно исчезали в процессе институционализации монархического

¹⁶ Чичерин. 1858. С. 380-381.

¹⁷ Он же. 1861. С. 9.

начала. Констатация данного факта не вызывала у основателей русской либеральной традиции никакого оптимизма, однако выносить окончательный приговор российской истории они не спешили.

Неудивительно, что взоры либералов обратились к верховной власти, естественному и безальтернативному организатору всей общественной жизни в России. Они связывали великие достижения отечественной истории исключительно с монархией, обеспечившей в итоге достойное представительство страны в европейском сообществе. При этом никто из них не питал иллюзий относительно скудости внутренних условий к саморазвитию национального социума, полагаясь, в основном, на внешние импульсы к приобретению общественной динамики. «Мы вполне соглашаемся с тем, что старая, допетровская Россия представляла из себя государство слабое и нестройное, что она перенесла великие страдания от чужеземного ига, от междоусобий, от своего одиночества в Европе, невежества и дурного порядка в своем управлении. Мы готовы верить тому, что старая Россия, как больной в поэме Данта, поминутно ворочалась на одре своем и каждым движением увеличивала свои страдания»¹⁸, — считал Дружинин.

Именно Петр Великий сыграл роль внешней силы, преобразователя и «первого европейца» в России, за что в и был канонизирован в мировосприятии отечественного «либерального семейства». Для самоидентификации раннего либерализма весьма примечательно искреннее преклонение перед личностью Петра I. Он воспринимался в качестве антитезы архаике удельной и московской Руси, с их замкнутостью, периферийностью и непрактичностью. Император изображался победителем в решающей схватке с тяжким грузом прошлого, навсегда обрекавшего страну на безвестную и безысходную судьбу. Но прежде всего либералы были очарованы той, нередко домысленной ими, свободой, с которой Петр творил имперскую историю России. Для них это было сродни работе выдающегося скульптора, высекающего контуры неведомого еще монумента.

Либеральные мыслители середины XIX в. последовательно защищали этикетистскую модель преобразовательной политики в России, так как «личное начало могло быть вызвано, пробуждено к нравственному, духовному развитию только извне и только начиная с высших слоев, потому что внутри, в частной и гражданской жизни, не

¹⁸ Дружинин. 1983. С. 215.

было для этого элементов. Это пробуждение выразилось, в начале XVIII в., в Петре Великом. Петр — первая свободная великорусская личность, со всеми ее характеристическими чертами: практичностью, смелостью, широтою, и со всеми недостатками, обусловленными тою средою, и теми обстоятельствами, при которых она появилась»¹⁹.

Таким образом, исчезнувшая в эпоху складывания Московского государства индивидуальная свобода, согласно логике либералов, возродилась в петровское время и персонифицировалась в фигуре первого русского императора. Его личность в либеральном дискурсе середины XIX в. ассоциировалась не просто с определенной границей или рубежом в отечественной истории, но с ее квинтэссенцией, долгожданым началом заполнения пустой общественной формы культурно значимым содержанием. Поэтому нередко доимперское прошлое России либералы воспринимали исключительно как необходимый подготовительный этап в социальном движении к высшей цели, благодаря которой возможно выживание и развитие социума.

Иногда подобные размышления высказывались в весьма образной и эмоциональной форме. В частности, Боткин писал: «Перебирая русскую историю до Петра, мы не находим ни одного лица, которое могло бы сосредоточить на себе симпатию истинного художника, кроме разве дико колоссального лица Грозного, этой живой кары, которую на гибель свою создала из себя задыхавшаяся в азиатизме своем русская субстанция. Что же касается до Петра, то едва ли во всемирной истории есть другое лицо, в представлении которого живопись могла бы явиться в большом своем могуществе»²⁰.

Либералы постоянно связывали собственные представления о будущей, по-европейски свободной России с деятельностью сильного государства как в ближайшей, так и в относительно длительной временной перспективе. Применительно к отечественной истории именно Петр I помог им впервые сформировать образ просвещенного монарха, свободного от тяжелого бремени традиции и, одновременно, наделенного неограниченной властью. В конечном счете, в рождении империи основатели русского либерализма видели единственный шанс на европеизацию России и превращение этого внешнего импульса в творческую силу внутреннего переустройства общества.

¹⁹ *Кавелин*. 1897. Т. 1. С. 575-576.

²⁰ *Боткин*. 1893. Т. 3. С. 116.

Уже в середине XIX в. очевидный этатизм ранних русских либералов вызвал жесткую критику многочисленных оппонентов, в том числе в их собственной среде. Прекрасно осознавая это, либералы, тем не менее, продолжали в разной степени отстаивать идею социальной модернизации России «сверху», ни в коем случае не отрециваясь от родовых либеральных ценностей. В акцентированной роли государства они видели не идеал, а исключительно способ максимально быстро сократить разрыв с цивилизованным Западом руками самодержавной, но неизбежно европеизировавшейся власти. «Власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития; власть насильно насаждала просвещение, обнимая своей деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта»²¹, — утверждал Чичерин.

Одновременно либералы всемерно приветствовали распространение в России достижений и ценностей западной цивилизации, а также саму возможность превратиться в прилежных учеников у ведущих держав Европы. Петровская эпоха дала старт этому важнейшему с их точки зрения процессу, результаты которого можно было лицезреть уже в начале следующего века. И действительно, XVIII в. русской истории завершился в екатерининский период своего рода социокультурным прорывом, получившим необходимые признаки институционализации в политике «просвещенного абсолютизма». Поэтому вполне убедительно звучали слова Кавелина о том, что «...безусловное заимствование европейской цивилизации и ученическое отношение к западному миру, характеризующие эпоху русской истории от Петра до первой четверти XIX в., было, конечно, не случайное, а необходимое, когда они так долго поглощали наши силы без всякой внешней необходимости. Россия вошла в число европейских государств, тесно соединила с ними свою судьбу и, кажется, ей нечего стыдиться этого нового братства»²².

В целом, отцы-основатели русского либерализма последовательно защищали идею общности исторических судеб народов в преодолении сугубо национального прошлого посредством интеграционных процессов на качественно новом уровне общественного развития. Однако они никогда не отрицали своеобразия и вариативности в соци-

²¹ Чичерин. 1862. С. 166.

²² Кавелин. 1859. Ч. 2. С. 52.

альном движении, наличия в нем разнообразных маршрутов, ведущих к процветанию и благоденствию. Для них не подлежало сомнению, что история каждой отдельно взятой страны до определенного времени наполнена неповторимыми сюжетами и колоритом автохтонности.

Вместе с тем, будучи сторонниками европоцентризма, они свои собственные представления об идеальном социуме сверяли исключительно с образцами ведущих западных государств. В конечном счете, либералы видели в восприятии вершин европейской цивилизации единственный путь к общей для всех цели. «С образованием, с развитием, с цивилизацией сглаживаются народные отличия. И не слагая с себя своего типа, не отрешаясь от народности, каждый народ, принимающий плоды цивилизации, работает сам усердно над сглаживанием и уравниванием всех резких и угловатых особенностей своего быта, дабы вступить в общую семью европейскую и стать в ряды носителей цивилизации»²³, — писал Бабст о своих заграничных впечатлениях.

Другое дело, либералы, особенно второго ряда, часто сетовали на пренебрежительное отношение многих европеистов к национальным традициям и вероятности их утраты в ближайшем будущем. Нередко они задумывались над внутренними смыслами категории «цивилизация» в связи с противопоставлением национального и общечеловеческого в историческом континууме и выносили нелицеприятный приговор адептам прогресса. В частности, это можно отнести к Боткину, который, признавая все преимущества цивилизационного пути, отмечал и его немалые издержки, стремление «стереть национальную одежду, обычаи, — словом, то, что больше всего лежит к сердцу народа»²⁴. Порой подобные рассуждения завершались филиппикой некоторых либералов в адрес их непримиримых оппонентов из круга славянофилов и осуждением тотального космополитизма.

В конечном счете, ностальгическое настроение, посещавшее либералов, как правило, на лоне русской природы или во время длительных заграничных путешествий, неизбежно сменялось западнической риторикой. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что петровская европеизация не привела и еще долго не могла привести к системным социальным изменениям в русском обществе, в структурах его повседневности. Поэтому достаточно длительный период в

²³ Бабст. 1859. С. 569.

²⁴ Боткин. 1976. С. 99.

отечественной истории, по мнению либеральных мыслителей, европейское начало причудливо соседствовало с традиционным. Кавелин точно описал этот феномен: «Начиная с XVIII века и до первой четверти XIX, русское общество представляло странную, пеструю смесь европейского с древнерусским, нового с старым; оба элемента иногда сталкивались, чаще жили мирно один возле другого; учреждения, нравы, понятия, все носило на себе двойственную печать этих несогласных, лишь механически сосуществовавших начал...»²⁵.

Но главное событие в русской истории для либералов, несомненно, произошло — появление империи окончательно интегрировало страну в каркас европейской модели развития. К концу петровской эпохи точка невозврата была уже пройдена и верховная власть насильно, раз и навсегда превратила Россию из периферии цивилизованного мира в его составную часть. Можно дискутировать о преимуществах и недостатках имперского пути отечественной истории, однако аргументы либералов в пользу безальтернативности данного выбора применительно к реалиям первой четверти XVIII в. до сих пор звучат весьма убедительно.

Либералы не сомневались в том, что в XIX в. Россия вступила уже в иной статусе. Очевидные внешнеполитические успехи в расширении государственной территории в предшествующий период все настоятельнее ставили в повестку дня задачу ее внутреннего обустройства. Скорее всего, надежды основателей русского либерализма были связаны с продолжением екатерининской политики «просвещенного абсолютизма», опиравшейся на основные положения известной концепции «истинной монархии» Ш. Л. Монтескье. Кроме того, они придавали немаловажное значение рецептам политэкономии А. Смита и утилитаризма И. Бентама.

В целом, дальнейший процесс европеизации России зависел, по мнению либералов, от способности верховной власти к восприятию исторического опыта ведущих западных держав и от готовности российского социума к его практическому освоению. При этом не удивительно, что либералы высоко оценивали шансы центра на плодотворную созидательную деятельность и скептически относились к перспективам общественной рефлексии в период рецепции европейских ценностей. «Мы с горестью сознаем, что, несмотря на внешнее

²⁵ ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 4об.

наше величие, мы перед народами европейскими все еще ученики; мы видим, что еще много и много нам предстоит работы прежде, нежели мы в состоянии будем помериться с этими могучими бойцами, владеющими всеми средствами образованного мира»²⁶, — утверждали Кавелин и Чичерин в своем известном письме к А. И. Герцену.

И причины крылись не только в экономической или институциональной отсталости от государств-локомотивов западной цивилизации. Либералы осознавали необходимость длительного культивирования новых социокультурных нормативов на малопродуктивной российской почве. Сложно представить себе результативное усвоение даже «значимой другой» европейской традиции в ином обществе, если в нем нет осязаемых представлений о повседневной жизни человека, неподконтрольной какой-либо внешней силе. Что касается России, то Анненков резонно задавался вопросами: «Частная жизнь наша, с идеями и стремлениями, живущими в ней, может стать, еще очень тоща и хила в сравнении с могучими деятелями, окружающими ее; может стать, она не представляет достаточной упругости для того, чтоб выдержать напор какого-либо влияния извне? Может быть, она слишком скоро отступает перед всяким заявлением права, как бы произвольно, незаконно и даже малосильно ни было оно?»²⁷.

Эти и другие особенности социально-политического и культурного ландшафта России середины XIX в., безусловно, усиливали этатистские настроения в либеральной среде. Во второй половине 1850-х гг. либералы с явным оптимизмом воспринимали реформаторские сигналы «сверху» и настойчиво убеждали оппонентов и самих себя в способности власти начать системные преобразования в стране. Они с нетерпением ожидали и восторженно встретили отмену крепостного права в России, сделавшую их преданными союзниками просвещенных действий самодержавного режима. Более того, либералы настаивали не просто на поддержке, но и на защите достижений 1861 г. от не в меру ретивых поклонников перманентных изменений. В частности, Чичерин, демонстрируя озабоченность, заявлял: «Теперь истинный либерализм измеряется не оппозицией, не прославлением свободы, не передовым направлением, а преданностью «Положению» 19-го февраля, которое освободило 23 миллиона

²⁶ Опыт русского либерализма... 1997. С. 27.

²⁷ Анненков. 1859. Ч. 1. С. 254.

русских людей и оградило все их существенные интересы. Этого же должно держаться и разумное охранительное мнение. Консерватизм и либерализм здесь одно и то же»²⁸. Он считал, что самое главное — утвердить неизбежность либеральных начал в русской жизни и только затем перейти к их последующему развитию.

В начале 1860-х гг. Чичерин оформил свои размышления в концепцию «охранительного либерализма», представив, тем самым, первый вариант национальной либеральной программы. Он открыто провозгласил соединение сильной просвещенной власти с классическими ценностями либерализма единственным средством успешной европеизации России в обозримом будущем. «Охранительный либерализм» Чичерина был генетически связан с «просвещенным абсолютизмом» еще екатерининских времен и стал его «лебединой песней» в истории отечественной мысли XIX в.

Эпоха Великих реформ давала уникальный шанс Чичерину теоретически обосновать правомерность распространения одновременно и этатистских настроений, и реформаторских ожиданий в российском обществе. Ему удалось создать такой образ социальной реальности, который максимально учитывал с одной стороны, все потенциальные достижения преобразовательной политики верховной власти, а с другой — скудость национальных условий для саморазвития. Одной из отличительных черт отечественной истории в сравнении с европейской традицией Чичерин считал преобладание в ней властного начала. Помимо других причин он объяснял эту особенность этнопсихологическим фактором, а именно тем, что русский человек «всегда был способен подчиниться, жертвовать собой, выносить на своих плечах тяжелое бремя на него возложенное, нежели становиться зачинателем какого бы то ни было дела»²⁹. Чичерин искренне сожалел о той незначительной роли, которую в истории России играли общественное мнение и общественная инициатива.

Таким образом, Великие реформы, по мнению ранних русских либералов, стали новой точкой цивилизационного роста в продолжавшемся процессе европеизации России. В данной ситуации либералы больше всего опасались демократических вызовов «слева» и ультраконсервативной реакции на изменения «справа». Все тот же

²⁸ Чичерин. 1862. С. 181.

²⁹ Чичерин. 1862. С. 165.

Чичерин призывал к активному противодействию любым безрассудным требованиям анархического содержания. Вместе с тем, он считал, что «охранительное направление в обществе не может и не должно отказать власти в своем сочувствии и в своей поддержке, при виде тех громадных реформ, которые ею совершаются, того желания добра, которое проявляется во множестве либеральных мер»³⁰.

Большинство либеральных мыслителей середины XIX в. связывали ближайшую историческую перспективу страны с проведением разумного либерально-консервативного курса. Однако это вовсе не исключало разнообразных дискуссий и наличия очевидных противоречий в раннелиберальном сообществе. В частности, споры по вопросу о целесообразности усиления централизации власти развели по разные стороны Чичерина и Корша с Кавелиным. А резкое письмо Чичерина с обвинениями в радикализме в адрес Герцена и фактический разрыв их отношений вызвали бурную негативную реакцию со стороны Кавелина, Анненкова и Бабста. Наконец, несоответствующими оказались подходы Кавелина и Чичерина к проблеме сохранения крестьянской общины в России.

Кроме того, либералы были встроены в общую историографическую традицию изучения всеобщей и, особенно, российской истории, включавшую такие имена, как В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, М. Т. Каченовский, М. П. Погодин, Т. Н. Грановский. Поэтому формирование исторических взглядов ранних русских либералов происходило под влиянием, с одной стороны, уже существовавших представлений о национальном прошлом, а с другой, в процессе их профессиональной корректировки в период жестких интеллектуальных столкновений с оппонентами.

Критику либералов «справа» представляли такие издания как «Москвитянин», «Русская беседа» и апологеты теории «официальной народности» в среде университетской профессуры. Заметную контрлиберальную оппозицию на данном направлении составляли славянофильствующие эксперты исторического знания. Отношения между противоборствующими силами нередко были напряженными, о чем свидетельствуют резкие высказывания Грановского еще в середине 1850-х гг., которые чуть позже воспринимались либералами скорее как «завещание учителя». В частности, он писал о славянофилах:

³⁰ Там же. С. 168.

«Эти люди противны мне как гробы. От них пахнет мертвечиной. Ни одной светлой мысли, ни одного благородного взгляда. Оппозиция их бесплодна, потому что основана на одном отрицании всего, что сделано у нас в полтора столетия новейшей истории»³¹. Правда, следует отметить, что во второй половине 1850-х гг. общая атмосфера в мире публицистики несколько смягчилась, но с началом Великих реформ противоречия между оппонентами стали непреодолимыми.

Критика либерализма «слева» персонифицировалась в фигуре Герцена и журнале «Современник» в образе Н. Г. Чернышевского. В периодически возникавшей полемике в прессе в конце 1850-х – начале 1860-х гг. заметную роль среди либералов сыграли Кавелин, Чичерин, Бабст, Боткин, отвергавшие любые рецепты радикального преобразования российской действительности. Для них, несмотря на личные симпатии и уважение к Герцену, подобные призывы ассоциировались с гибельным маршрутом в царство анархии и хаоса.

В итоге, ранние русские либералы приняли самое непосредственное участие в разработке канонических положений «государственной школы» в отечественной историографии. Национальное прошлое виделось им как длительный путь к исторической самореализации социума, вершиной которой либералы считали государство. Далекое не все народы смогли осилить или успешно пройти его и достичь желанной цели. Победителями, по мнению либералов, оказались ведущие европейские державы, прежде всего, Англия и Франция, определившие на тот период содержание понятия «цивилизация».

Россию либералы относили к странам с ярко выраженной харизмой верховной власти, способной к выполнению исключительной миссии по интеграции государства в живительную европейскую среду. Поэтому Великие реформы основатели русского либерализма встретили с нескрываемым оптимизмом и в качестве яркого свидетельства своей исторической правоты.

³¹ Т. Н. Грановский к К. Д. Кавелину. 1897. Т. II. С. 456-457.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненков П. В.* О деловом романе в нашей литературе // Атеней. М., 1859. Ч. 1. № 2.
- Бабст И. К.* О характере политико-экономических учений, возникших после Адама Смита. СПб.: (Из журнала Министерства Народного Просвещения. 1856. № 4.) 1856.
- Бабст И. К.* Три месяца за границей. Письмо шестое // Атеней. № 8. 1859.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум». 1995.
- Боткин В. П.* Литературная критика; Публицистика; Письма. М.: Советская Россия. 1984.
- Боткин В. П.* Письма об Испании. Л.: Наука. 1976.
- Боткин В. П.* Сочинения. СПб.: журн. «Пантеон лит.». 1893. Т. 3.
- Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28-го октября 1861 года профессором Б. Н. Чичериным. М.: В университетской типографии.
- Грановский к Кавелину. Москва, 2 октября 1855 года // Т. Н. Грановский и его переписка. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. 1897. Т. II.
- Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. М.: Наука. 1986.
- Грановский Т. Н.* Сочинения Т. Н. Грановского. М.: Тип. А. И. Мамонтова. 1900.
- Дружинин А. В.* Литературная критика. М.: Советская Россия. 1983.
- Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 1897. Т. 1.
- Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича 1898. Т. 2.
- Кавелин К. Д.* Сочинения К. Д. Кавелина. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин. 1859. Ч. 2.
- Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон. 1997.
- ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 4об, 13об.
- Чичерин Б. Н.* Критика г. Крылова и способ исследования «Русской беседы» // Русский вестник. Т. 10. Кн. первая. М., 1857.
- Чичерин Б. Н.* Несвободные состояния в Древней России // Русский вестник. Т. 3. Кн. вторая. М., 1856.
- Чичерин Б. Н.* Несколько современных вопросов. М.: В тип. Грачева и комп. 1862.
- Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М.: В тип. Эрнста Барфкнехта и комп. 1858.
- Шнейдер Константин Ильич**, к.и.н., доцент кафедры древней и новой истории России историко-политологического факультета Пермского государственного университета; kshneyder@yahoo.com.